

Елена Королевская

РОМАН В ТЕЛЕФОННОЙ БУДКЕ

Основано на реальных событиях!

Елена Королевская

**Роман в телефонной будке.
Основано на реальных событиях!**

«Издательские решения»

Королевская Е.

Роман в телефонной будке. Основано на реальных событиях! /
Е. Королевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907629-8

Этому не учат ни в школе, ни в институте. Часто эта тема табу и в семье, хотя мало, что может быть важнее. Каждый из нас ищет вторую половинку. Как не ошибиться в выборе, какие события и факты приводят к решению? Время меняется, а вопросы остаются. Вместе с юной героиней вы как в прорубь окунётесь в «лихие» 90-е годы прошлого столетия и жизнь подростков московских окраин. Трудно описать всю гамму эмоций, которую вам подарит эта откровенная жизненная история.

ISBN 978-5-44-907629-8

© Королевская Е.
© Издательские решения

Содержание

О времена, о нравы	6
Телефонная будка	10
Сестры	12
Приятный голос	14
Странноватая	15
Студент	18
Принц из метро	19
Первое свидание	21
Да ладно, не психуй	23
Мир	26
За красивые глаза	28
Ну козел!	29
Может, он не хуже?	31
История Владимира	32
Разношерстная компания	35
Семечки будешь?	37
Испугалась, дурочка?	39
Куда только мать смотрит!	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роман в телефонной будке Основано на реальных событиях!

Елена Королевская

© Елена Королевская, 2019

ISBN 978-5-4490-7629-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О времена, о нравы

Окраина Москвы. Конец восьмидесятых годов прошлого столетия.

Во дворе обычной заштатной двенадцатизажки, вокруг единственного сохранившегося элемента детской площадки – песочницы – собирались местные мамочки. Их дети ковырялись в грязном песке, а они, сидя на обшарпанной лавчонке, самодовольно, как какое-то особенное мужское достоинство, обсуждали тему, которую можно сформулировать так: «Чей муж более привередлив, придя с работы».

– Ой, девчонки, мой, когда возвращается, да если еще и устал – всем хана! Лучше и не соваться. Если чайник не на плите, да чтобы непременно кипел в тот момент, когда он заходит, то все – крику не оберешься, так меня приложит, – упивалась своим несчастьем одна из них.

– Да, да, бедная ты, – завистливо подхватывали остальные с озабоченными выражениями на лицах.

– Но я терплю, что поделать, хоть и сама порой за день так устаю, – вздыхала «героиня» и довольная продолжала: – А у нас теперь новый кухонный гарнитур из рогожки... и нижние, и верхние шкафы – вся кухня полностью... Мой где-то отхватил!.. Надо беречь, я каждый день лазаю, протираю, чтобы не дай бог!

– Ох, ах, прям целый гарнитур? А у нас только мойка и разделочный стол...

Или:

– А нашей кухне уже лет пятнадцать, наверное, – выражали восхищение собеседницы столь удачным и дорогим приобретением.

– Как же тебе с мужем повезло! – звучал главный вывод из этого обсуждения.

Вторая из мамочек в свои двадцать четыре года уже родила подряд двоих детей и носила третьего. Лимитчица, взятая замуж из соседней общаги, расположенной через дорогу от дома мужа, что называется, окна в окна. Туда местные парни, и ее будущий муж в их числе, ходили удовлетворять свои мужские потребности в женской ласке. Эта мамочка была из везучих, потому что за многие годы она стала одной из тех немногих, о которых все слышали, но никто не видел. Той, кому реально посчастливилось из общежития переехать официальной женой к мужу в драгоценную московскую квартиру. И чтобы окончательно закрепиться в квартире родителей супруга, претворяя в жизнь совет собственной деревенской мамы, она не стала откладывать в долгий ящик – и осчастливила мужа тремя детьми подряд.

– А что... зато отстрелялась и все, – радостно она сообщала всем почти каждый раз, как выходила на улицу.

Подруги неуверенно поддакивали, но никто из них, будучи москвичками, не заговаривал и о втором ребенке – не то что о третьем.

– А мы скоро поедem к моим, на море, под Одессу, свежий воздух, фрукты! Наедемся! Отдохнем! – воодушевленно делилась деревенская...

Время стояло голодное, магазины встречали покупателей пустыми полками. Отоваривался народ по продуктовым талонам, отстояв многочасовые очереди, а о море и вовсе не мечтали.

Для тех, кто не в курсе тонкостей жизни тех лет, поясню, что талоны – такие бумажные карточки, которые выдавались на месяц в количестве стольких штук, сколько в семье по месту прописки зарегистрировано человек. На талон разрешалось приобрести конкретное количество продуктов: один килограмм сахара, три куса мыла и так далее. Определенные товары продавались только в районе проживания и при предъявлении паспорта с пропиской. Даже имея деньги, купить продукты, а тем более качественные продукты, было очень нелегко.

Поэтому иметь в друзьях людей, способных хоть что-то достать из дефицита сверх положенного по талонам – житейская необходимость.

А тут домашнее варенье, соленья и колбаса, и «подруга» могла тебе все это привезти и продать по сносной цене! За свою деревенскую хватку и продуктовое богатство, которое в то время ценилось выше любой валюты, она и находилась в фаворе у «коренных москвичек». Ее муж работал простым автослесарем в троллейбусном парке, и его достижениями по улучшению семейного быта она не могла похвастаться. Зато еще более гордо, чем о доме под Одессой, новая москвичка, не уставая, рассказывала о том, чего они добились в вопросе расширения жилой площади: их семью поставили на государственную – бесплатную – очередь на получение квартиры в Москве! Она не сомневалась, что всего через каких-то лет десять-пятнадцать квартиру им непременно дадут. Ну а ради такого счастья можно потерпеть и всемером поютиться на пятиметровой кухоньке, принимая пищу в порядке установленной очереди.

Ничего страшного она не видела и в том, чтобы прожить свои молодые годы с мужем и тремя детьми-москвичами в двух десятиметровых комнатах. Почему в двух? А в третьей, восемнадцатиметровой, остались проживать родители мужа. Которые, по ее мнению, свое уже пожили, и вполне могли бы и даже обязаны, будь они по-настоящему любящими бабушкой и дедушкой, уступить эту комнату внукам. Им самим следовало бы переехать в меньшую комнату, а лучше вообще вернуться в деревню, из которой они когда-то приехали по тому же лимиту в Москву, тем самым освободив место новому поколению. Родители мужа, конечно, знали об этих ее высказываниях, всегда найдутся «добрые люди», готовые раскрыть глаза «незрячим», и отвечали ей взаимностью. В разговорах со своими друзьями – родителями ее же подружек – они ядовито высмеивали невестку, ее деревенский говор, манерность, рвачество и нахальные требования к ним. Друзья родителей мужа новой москвички делились в семьях со своими детьми – молодыми мамочками, а те между собой, и сплетни гуляли по кругу, обраская каждый раз новыми ужасными подробностями. Однако ж она чуть ли не единственная из всех невесток называла родителей мужа, всегда приниженно и льстиво глядя им в глаза, «мама» и «папа», а они в ответ ее «доченька». А самого мужа, как ни странно, деревенская называла «Длинный». Кличкой звали его между собой пацаны еще с тех времен, когда приходили в общагу. И она упорно продолжала называть Олега в разговоре с приятельницами-мамочками его кличкой, почему-то рассчитывая, что этим покажется им более своей. А ее московские подруги не упускали повода позлословить и на эту тему о ней. Ну конечно, или в ее отсутствие, или всего лишь каждый раз, пока она шла к детской площадке.

– Во, лимитчица наша идет, сейчас «гыкать» начнет, – посмеивались они между собой, вдобавок с удовольствием обсуждая ее вызывающе открытые наряды: – Опять обтянула грудь, того и гляди, сиськи выпадут, – язвили «доброжелательницы».

Светка, так звали лимитчицу, настоящая украинская красавица, с большой грудью и осинной талией, ростом за метр восемьдесят, и вполне могла бы претендовать на участие в модных конкурсах красоты, тогда только набирающих обороты в СССР. Но «добрые московские подружки» за Светкин высокий рост плюсом к «лимитчице» называли ее по аналогии с мужем «длинная» или за ее украинское произношение – «Галка». На лавочку она всегда садилась Светульчиком и расцелованная в обе щеки «искренне» соскучившимися со вчерашнего дня по ней приятельницами. Участвуя в сегодняшней беседе, Светульчик гордо рассказывала, что для возвращающегося с работы мужа она не только ужин готовит, но и подогревает тарелки, как в ресторане! А уж готовит она столько разных вкусностей, чтобы мужу, уплетая их, и пожаловаться-то было некогда.

Светке в отличие от избалованных московских девиц, как «скромно» говорила она, «не пристало раздражать мужа». Все дружно соглашались, что у нее нет никаких прав, и что очень хорошо, что она и сама все про себя понимает. За такое понимание своего места в «элитном московском обществе» ей милостиво прощали ее красоту.

Была в компании мамочек еще одна девушка – Ира, которая единственная из всех получала не обычное высшее образование, а второе, никому не нужное в то время, высшее образование. Учеба в институте среди местной молодежи считалась никчемной тратой времени. Страна трещала по швам, «вшивая интеллигенция» находилась не в чести и зарабатывала, если зарабатывала вообще, чистые гроши. Только-только начинались годы дикого капитализма, когда каждый хотел жить здесь и сейчас. И если не все, то многое решалось силой и напором. А деньги водились либо у бандитов, либо у фарцовщиков, да у людей, приближенных к системе распределения чего-либо. Любой товар в то время был дефицитным: от носков до бытовой техники.

Муж Иры считался нормальным мужиком. Он закончил ПТУ (профессионально-техническое училище. – прим. автора) и работал водителем на собственном грузовичке «Газель», обеспечивая жену и ребенка, пока та «развлекалась в институтах». Их семья у москвичек состояла на отдельном счету, потому что у них, единственных из всей компании, имелась своя, пусть и однокомнатная, но квартира! Правда, на первом этаже, отчего без балкона. И белье Ире приходилось сушить в ванной комнатке, что крайне неудобно. Об столь важном недостатке в планировке неоднократно, конечно, «сожалея» о ее несчастье, Ире напоминали остальные мамочки. Безусловно, они понимали, как ей повезло – жить в своей квартире уже сейчас! Но все же у Иры с мужем квартирка так и останется однокомнатной и без балкона, а в их квартире, которую они непременно когда-нибудь заполучат либо по очереди, либо после смерти родителей, комнат будет не одна и обязательно с балконом или лоджией. Подобный факт автоматически, пусть и в будущем, выводил их на более высокий социальный уровень, чем у Иры сейчас. Видимо эта радужная мечта, и позволяла подругам смиряться с ее теперешним превосходством. К тому же Ира молчаливая, а в ее семье явно правит патриархат, в чем сомневаться не приходилось, видя Иру в солнечных очках в любое время года. Так и в данной беседе она не участвовала, а выступала в роли благодарного слушателя. Ну что она могла сказать, когда с ней и так все ясно.

– Умная, умная, – говорили про нее «подружки», – а дура, раз муж так часто прикладывает. Чем его надо так злить-то? – недоумевали они и смаковали подробности, бурно обсуждая, за что и как он ее приложил в последний раз.

Саму Иру они почти никогда ни о чем не спрашивали, «тактично» делая вид, что ничего не замечают. Её тепло расцеловывали при встрече, впрочем, как и всех.

Но самой колоритной из компании была Таня – девушка довольно плотного, нет, скорее полного телосложения, с кожей, покрытой рытвинами от перенесенной ветрянки, носом картошкой и несоразмерно полными губами на фоне маленьких, узких и очень ядовитых глаз. Ее фигура выделялась широкими, низко посаженными бедрами на полных коротких ногах, а единственным, но ярким украшением являлась большая, выпирающая грудь. В среде местных ее звали «подстилка». Жила она с мамой и бабушкой в двухкомнатной малогабаритке. Таня – громкая и разухабистая, очень заразительно смеялась и отпускала точные, хлесткие, приправленные матерком замечания в адрес окружающих.

Всегда считалось, что уж Таня-то точно НИКОГДА не выйдет замуж, так как с ней хоть раз переспал каждый местный парень, включая сегодняшних мужей остальных мамочек. Но замуж она все-таки вышла, и не самая последняя. Правда, не за местного, а, как говорили, за армянина. Ее мужа презрительно за глаза называли «черножопым», а в глаза приветливо «брат». У него единственного в их компании на тот момент имелась личная легковая машина, и он мог достать на рынке, на котором работал мясником, большой дефицит того времени – свежее мясо. Если разговор у мамочек заходил о Тане, то не «плюнуть» в Танину сторону считалось моветоном, но опять же в ее отсутствие. Любимой темой среди подружек стало гадание, кто и когда первым расскажет ее «черножопому муженьку» о развеселом Танином прошлом и что тогда он с ней сделает, учитывая, какие у них там на востоке нравы. А ведь любая из них

столько про нее знает, но молчит, такое в их сердцах «благородство», а она позволяет себе колкости в их сторону – неблагодарная. Когда же Таня приближалась к детской площадке, головы у всех слегка втягивались, глаза опускались, попасть под ее острый язык никому не хотелось, и ее приветствовали с «нежным жаром» и целованием наравне с остальными.

Все мамочки примерно одного возраста со своими мужьями. Максимальной разницей между супругами составляла два года. Их возраст крутился в районе двадцати трех лет. И все, кроме «черножопого» и «длинной», изначально росли в общей компании. Жили все рядом, в соседних домах. Сначала ходили в один детский сад, потом в одну школу, гуляли вместе и знали друг о друге всю подноготную. Их стая, сформировалась по признаку ареала обитания. Внутри нее могли кого-то любить больше или меньше, но все они в нее входили. И как бы ни ссорились между собой ее члены, разногласия относились к их внутренним, местным разборкам. Все жили на одной стороне микрорайона. Но есть часть микрорайона, расположенная на противоположной стороне дороги местного значения. Там уже жили чужаки, у них свои девчонки и парни, которые исторически, если не враждовали, то конкурировали друг с другом. За встречи с парнем с «другой стороны» местными парнями девушке делался строгий выговор: «Тебе что, своих не хватает?» Чужака-парня без стеснения могли и побить.

Такая же ситуация и с девушками: кадрить парня с «другой стороны» было опасно, могли и лицо расцарапать, и «темную» устроить. Все посторонние воспринимались в штыки.

Переходить дорогу такой стае опасно. Внутри сообщества действуют отдельные социальные и поведенческие нормы. Любое несоответствие принятым среднестатистическим нормам жизни и морали считалось наглым вызовом. В отношениях не малую роль играло возрастное деление на старших и младших, как бывает в юные годы, когда пятнадцатилетнему девятикласснику четырнадцатилетний восьмиклашка кажется малолеткой, недостойным его внимания, а шестнадцатилетний десятиклассник – умудренным жизненным опытом авторитетом.

Мужья, несмотря на свои двадцать с лишним лет, по-прежнему выше семьи ставили нужды «друганов» и, вопреки наличию детей, довольно активно участвовали в жизни местной молодежи. И от всех «новобранцев» в виде жен или мужей «со стороны» ожидалось некое смирение или даже подобострастие, пока их не соизволят признать и принять в ряды стаи как полноправных членов.

Вечерами после работы абсолютное большинство и свободных, и семейных, оставляли детей на попечение бабушек и дедушек и выходили в «колхоз». «Колхозом» – назывались вкопанные рядом, вдоль забора детского садика два стола. Столы заменяли местной взрослой молодежи клуб по интересам. За ними компании играли в карты, домино, на гитарах, слушали музыку, общались и выпивали. Зимой, когда становилось холодно, народ переходил в ближайший подъезд, и веселье продолжалось там. Всем живущим, у кого окна квартир выходили на эти столы, практически ежедневно мешал полуночный шум. Но жаловаться решались единицы, так как если не их дети, то дети их соседей входили в ту или иную группу. У некоторых аксакалов, время от времени забредавших в «колхоз» расписать партеечку или выпить стаканчик, возраст перевалил уже за тридцать, у самых младших, как их называли «младшая садовская группа», колебался в районе шестнадцати лет. Время пользования столами делилось между группами в зависимости от возраста, а значит, статуса.

Такими радостями и интересами жила молодежь, московских окраин того времени. На одной из подобных окраин живут и главные герои книги.

Телефонная будка

Как-то пасмурным вечером, когда на улице не то осень, не то зима и серые тучи ползут по небу, навевая тоску, по улице бессмысленно шатались в поисках знакомых компаний и развлечений две двенадцатилетние подружки, когда с неба в очередной раз сорвался холодный дождь со снегом, они спрятались от непогоды в телефонную будку. Ну а раз они стоят в будке, значит, им нужно непременно позвонить кому-либо из друзей. Потому, что глупо просто так скучать. А вдруг кто-то согласится выйти на улицу разбавить их компанию. Даже побаловаться, набирая незнакомые номера, всегда веселей, чем стоять, ничего не делая в ожидании, когда поутихнет непогода.

Это сейчас молодежь привыкла знакомиться через интернет, а в эпоху городских телефонных будок, и домашний телефон имелся далеко не в каждой квартире. Зато всегда можно найти новых знакомых, позвонив по одному из номеров, обильно нацарапанных на крашеных стенах этих самых будок.

Девчонки стали шарить по карманам в поисках двухкопеечных монеток. Ничего.

– Посмотри получше, – сказала одна из них, – я слышала, звякало. Может, завалились куда?

Наконец в карманах куртки, за дырявой подкладкой все же нашлось несколько штук.

– Ну что, кому звоним? – спросила обладательница монетки, им на глаза попала надпись про Царя, тщательно нацарапанная справа от автомата. Сразу видно, что человек старался, прочерчивая написанное не по одному разу. Надпись под цифрами гласила: «Царь козлов – звонить круглосуточно!» Почему бы не побаловаться и не позвонить «Царю козлов»? Наверняка будет весело. И девчонки набрали номер.

Дозвонившись первый раз и услышав в трубке мужское «алло», они, ничего не говоря, похихикали в трубку. Голос никак не среагировал на звонок, он положил трубку. Набрав тот же номер во второй раз, девчонки, все так же глупо хихикая, отважились спросить:

– Здравствуйте, а здесь проживает царь козлов?

На что услышали встречный вопрос:

– Где вы взяли мой телефон?

Голос не злился, не кричал, а спокойно и уверенно интересовался, удивляя и обескураживая девчонок. Такая реакция – не то, что они ожидали, и как-то совсем не весело.

– Ну, девочки, откуда у вас мой номер? – повторил голос настойчиво.

Ну раз им не хаят, то почему бы и не ответить. Они назвали голосу свое местонахождение, потом еще несколько минут объясняли детали расположения будки и, когда голос точно все понял, попрощались и повесили трубку. Из разговора девчонки уяснили только то, что голос принадлежит молодому парню, с стальными нервами и явно старше их.

– Прикол! Такой спокойный! – удивлялась подружка.

– Да, класс! – поддержала вторая. – Слушай, ну ты бы хоть спросила, как его зовут?

– Ну и спросила бы сама, чего не спросила, раз такая умная?

– Ага, а ты?

– Ну трубка-то у тебя была?

– Вообще-то, мы вместе ее держали!

– Ну ладно, и чего теперь делать будем? Нашим, что ли, кому позвонить?

Девчонки хитро переглянулись и снова, хихикая и пихая друг друга в бок, в третий раз набрали тот же номер. Подружки рассчитывали, что уж после третьего звонка парень сорвется. А значит, вечер не пропадет даром.

– Слушаю, – снова ответил тот же мужской голос.

– Привет, это снова мы, хи-хи-хи, а как тебя зовут?

– Владимир, – ответил парень. – А «царь», потому что фамилия Царев, – добавил он, предвосхищая следующий вопрос, и в этот раз повесил трубку первым. А девчонки не успели с главным блюдом:

– А почему козлов? А каких – горных или степных? – и немного расстроились, развлечение неожиданно быстро закончилось.

– Интересно, – обсуждали они, – а почему он не спросил, а как, например, нас зовут? Девчонок у такого должно быть море?! Такой приятный голос! Интересно, он симпатичный? Они снова посмотрели на номер телефона, судя по первым цифрам их новый знакомый жил через дорогу, то есть на «другой стороне», что интриговало еще сильнее. Посмаковав все детали, обсудив, что кому из них и как послышалось, показалось и подумалось, подружки договорились позвонить ему еще раз, но уже завтра. Сейчас двухкопеечные монетки у них кончились, а идти стрелять их у редких прохожих на «маме позвонить» по такой гадкой погоде не хотелось. Девчонки хорошенько заучили номер и полные впечатлений и эмоций, с чувством выполненного долга пошли по домам.

На следующий день погода ухудшилась, и идти гулять подружки передумали, а собрались потусоваться у одной из них дома. Предполагалось, что мама принимающей стороны на работе, а старшая сестра у подруги. И значит, они полностью свободны в своих действиях, в пределах разумного, конечно. Ну уж позвонить куда им захочется они точно смогут. С мамой они не прогадали, а старшая сестра неожиданно взяла, да и осталась дома.

Сестры

Разница между сестрами была в три года, старшая сестра – пятнадцатилетняя Катерина. И так сложилось, что в их семье без отца и со всегда занятой матерью именно она присматривала за младшей сестренкой. Когда Катя услышала, как ее младшая двенадцатилетняя Маша явно с кем-то флиртует, то не преминула поинтересоваться личностью собеседника.

– С кем по телефону глазки строим так, что уши красные? – с ехидцей спросила она у Маши.

– Счас, – сказала Маша в трубку и опустила ее вниз, прижимая микрофон к бедру, чтобы собеседник не слышал, о чем они с сестрой говорят. И кривляясь ответила:

– С незнакомым мужчиной.

– Тогда дай сюда, – властно сказала Катя и выхватила у Маши трубку. – Не мала ли с незнакомыми, да еще мужчинами разговаривать? Совсем с ума сошла? Девушка называется, – выговаривала Катя сестренке как заправская блюстительница нравов. Младшая в ответ огрызалась и недовольно фыркала:

– А что тут прям такого-то? Уже и поговорить нельзя? Чего ты везде лезешь? Я что, целуюсь-обнимаюсь или водку в подворотне пью? То же мне! – обижалась она.

Машина подружка и вовсе притихла на диване, зная Катин характер. Но Катерина поняла, что перегнула и дальновидно промолчала, а то сейчас они поссорятся по-настоящему. А Катя ссориться не хотела.

Перепалку между сестрами собеседник слышал хорошо. Ссора его развлекала, и, как того ожидала Катерина – гудков отбоя она не услышала.

– Ну кто там? – спросила Катя у сестры миролюбиво, как подружка, а не как воспитатель.

– Да какой-то Царь из телефонной будки, – честно ответила она. Катя приподняла брови.

– Оль, ну хоть ты ей скажи, – Маша обратилась за поддержкой к Машиной подруге. Та заморгала глазами:

– Кать, ну чего ты? Мы нашли телефон и прикалываемся.

Катя прислушалась, гудков в трубке она по-прежнему не слышала. Тогда, внутренне собравшись с духом, Катя подняла трубку к щеке и выдохнула:

– Добрый день.

– Добрый, – ответили ей слегка насмешливо.

Но тембр голоса оказался очень приятным. Перед глазами непроизвольно вырисовывался образ красавца. Одновременно Катерина поняла, что это голос довольно взрослого красавца, и, недолго думая, она выпалила:

– А вы собственно кто? Что у вас общего с маленькими девочками?

– Сама ты маленькая, – недовольно вставила Маша.

Катя махнула на нее рукой, мол, помолчи. Вопросы собеседнику Катерина задавала взволнованным резким тоном. И также, как и сестренка, ожидала в ответ какой-нибудь колкости. Но голос равнодушно произнес:

– Девчонки балуются, они мне сами позвонили, и мы второй раз разговариваем по телефону. Ответ понятен?

Как-то странно, что он сразу же ее не послал подальше, так на его месте сделал бы любой парень. И почему-то не бросил трубку. Ей тоже стало любопытно. Чего он ждет? Или ему все же что-то нужно от Маши? – разбирала Катерина ситуацию. Повисла пауза. – Нужно, наверное, что-то сказать, – решила она. – Ответ понятен, но, согласитесь, как-то странно, – продолжила Катерина.

– Не думаю, – ответили в трубке.

На самом деле ничего особо странного в поведении парня не было. Владимир весь день скучал в одиночестве, а болтовня по телефону и для него явилась хоть каким-то развлечением. А услышав голос Катерины, он понял, что с ним разговаривает уже не маленькая девочка. Его разобрало банальное любопытство, что за девица на том конце провода с таким самомнением и почему он ее не знает.

Приятный голос

Катерина к незнакомцам любого возраста обращалась на «вы». Ей казалось прикольным разговаривать подчеркнуто вежливо, пересыпая речь высказываниями разных авторитетных деятелей.

Катя – ранимая фантазерка. Воспитали девушку во многом книги, которые она хаотично проглатывала, читая много и с интересом – от сказок до философских учений. Ее ошибка в том, что и в повседневной жизни Катерина часто брала пример с любимых героинь прошлых веков. Она повторяла их эмоциональные реакции, копировала манеру поведения, стиль речи или, домысливая, поступала так, как в подобной ситуации поступила бы они. Хотя Катина повседневная жизнь была очень далека от приключенческих романов, исторических саг и идеальных философских миров.

Катерина выросла намного серьезнее и самостоятельнее многих сверстников. Мама с раннего возраста возложила на нее обязанность по присмотру и контролю над младшей сестрой и предоставляла ей в этом широкую свободу действий. Катерина рано почувствовала себя взрослой и вела себя как взрослая.

Так и в этот раз Катерина разговаривала с незнакомцем подчеркнуто на «вы». Против предположительно опасного незнакомца она ошетичилась всеми своими внутренними иголками. Но парень оставался спокойным, голос его звучал ровно и доверительно мягко. Он сам ей представился и пояснил без иронии в голосе, что его, конечно, как любого нормального парня, интересуют девчонки, но не детского возраста, поддержав ее переживания за сестру. Потом немного рассказал о себе, что он живет в доме напротив общежития, что отслужил в армии. И в результате, незаметно для себя Катерина проболтала с ним почти полчаса. Заканчивали разговор они почти друзьями. Правда прощаясь, свой телефон Катерина все же ему не оставила, но на предложение позванивать согласилась и пообещала, что как-нибудь непременно позвонит.

Младшая сестренка ехидно заметила: «Ничего себе ты с незнакомыми мужиками болтаешь!» Возразить, вроде как, и нечего, Катерина немного растерялась. Но впечатление сложилось приятное.

Их разговор долго не шел у нее из головы, казалось, между ними немало общего. В общем, Катерина согласилась с мнением сестры, что интересно было бы посмотреть, у кого такой приятный голос.

Странноватая

Катя знала, что ее считают странноватой. Училась она в целом на хорошо и даже отлично, занималась музыкой, не пила, не курила, почти не ругалась матом, то есть походила на настоящую зубрилу. Но вместе с этим поведение, стиль одежды зачастую позволяла себе вызывающие. Катерина всегда и на все имела и не стеснялась высказывать собственное мнение, держалась подчеркнуто независимо, прогуливала, спорила с учителями. Со сверстниками и вовсе общалась более чем уверенно и легко могла за себя постоять, в том числе – при крайней необходимости – и кулаками.

Достаточно сказать, что в седьмой класс ее перевели условно из-за неуда по поведению, хотя в аттестате была всего одна четверка. Многие из ее «выходок» останутся в анналах школьной истории, в том числе и эта устроенная Катей в восьмом классе.

Кабинет химии располагался на втором этаже школьного здания. Им задали задание. Чем-то недовольный, в плохом настроении учитель строго следил, чтобы никто не списывал. Катя скосила глаза к соседке и, попавшись под горячую руку. Она первой получила двойку в журнал. Учитель называл подобную процедуру «операция одиннадцать». Первым одиннадцати проштрафившимся ученикам, не зависимо от причины, он ставил двойки в журнал. Катерина во всеуслышание возмутилась несправедливостью. Но учитель остался непреклонен. Катерина не очень-то знала химию, но уж три с плюсом, а если повезет, то и четыре могла получить, но никак не два.

– Вы не имеете права ставить мне два, я не списывала, тем более что я сделала больше, чем Пуговкина, – как обычно, не унималась она.

– Будешь выступать, я сейчас на единицу исправлю, – недальновидно отрезал химик.

Катерина встала, подошла к открытому окну. Вновь спросила:

– Не исправите?

– Нет, – уверенно ответил учитель.

Она за секунды вскочила на стул, на парту, с парты на подоконник и, обернувшись через плечо, повторила вопрос. Класс загудел.

– Нет, – подтвердил учитель и скептически улыбнулся. Катерина с театральным криком выпрыгнула в окно. Учителю сделалось плохо. Поднялся шум, ребята повскакали с мест. Кто-то смеялся, кто-то восхищался, кто-то отпаивал учителя водой. Ничего страшного не произошло, Катерина спрыгнула не на землю, а на козырек над дверью первого этажа, расстояние до него около двух метров, но не сообразивший этого учитель сильно испугался. Катя торжествовала.

Следующий – девятый класс собрали из лучших учащихся трех восьмых. В эти списки из-за поведения Катерина не попала. Тогда она написала письмо в районное отделение образования, надзирающий за школами орган, в котором пожаловалась, что ее дискриминируют, и, опираясь на свои хорошие оценки, потребовала зачисления. И только после скандала ее все же зачислили.

За смелость в школе ее уважали, но держалась она особняком. У нее имелась масса почти приятельниц и только одна подруга. Но проучились они вместе только до девятого класса. Дальше их пути разошлись. Катерина осталась в школе, а подруга отправилась в профессиональное медучилище. И в девятом классе Катя фактически осталась одна. С ней перешла туда только одна более-менее близкая ей приятельница Света.

Многие местные девчонки откровенно ее недолюбливали. Ну, во-первых, никому не нужна симпатичная конкурентка, а во-вторых, им с ней казалось так же неинтересно, как и ей с ними: ни посплетничать, ни покурить, ни выпить, а нарваться на разборки из-за Катиних умничаний легко...

В среде сверстниц, пожалуй, самым весомым из аргументов для занятия верхней ступени на иерархической подростковой лестнице служило наличие парня. Все девчонки налево и направо хвалились победами на амурном поприще, рассказывая истории, похожие на сюжеты модных тогда индийских фильмов. Катерина, наслушавшись увлекательных выдумок, несколько переживала, что она чуть ли не одна-единственная из всех, кто до сих пор без пары.

Катина искренняя дружба с мальчиками закончилась сразу же по поступлении в первый класс школы. Конечно, мальчики все время находились с нею рядом – и на занятиях, и во дворе, но Катя ни с кем из них не поддерживала дружеского общения. Они жили параллельно и, по словам мамы, должны повырастать в таких же козлов, как и их папаша.

Став подростком, у себя в районе Катя часто слышала от ребят постарше в довольно развязном тоне фразы похожие на: «Эй, девчули, чего скучаете? Не хотите с хорошими пацанами пива попить?» или «Чего такие нарядные и одни?» Если пацаны не хамили, то Катя отвечала в своей манере: «Спасибо, нет» или «Проходите мимо, будьте любезны».

А если к ним после первого отказа начинали цепляться, тогда они с подружкой могли и огрызнуться: «Мы *одни* потому, что вокруг *одни* козлы...» Катерина и ее подружка были не из робкого десятка и остры на язык. Кроме того, они не пили пиво и им не хотелось слушать мат.

Парни-сверстники зачастую избегали фифу, при которой и ругнуться, видите ли, нельзя. Сдалась она им триста лет со своими неадекватными запросами. Были и те, кто хотел общаться, но боялся плыть «против течения». Время рыцарей прошло. Катерину окружали обычные мальчишки.

Катерина смазливая, это признавали все, но толку? Она слышала, как ее обсуждали. Пару раз старшие ребята говорили ей прямо в глаза, что она зря вечно умничает и прикоснуться к себе не дает, мол, останется одна с такими заскоками.

– Кому ты вообще нужна-то такая худая да плоская, вон сравни себя хоть со Светкой – у нее и грудь, и корма будь здоров, – подсмеивались над ней пацаны. И Светка могла стоять рядом и довольно улыбаться. Катя таких выходок не понимала. Она видела, как ребята не раз позволяли себе ущипнуть или хлопнуть девчонок по филейным местам, а те только хихикали. А могли иной раз «зажать» в лифте, но те попищат для остротки и ничего, без всяких обид тем же вечером выйдут во двор в компанию пить пиво. С такими девчонками пацанам вполне интересно, и главное – напрягаться не нужно.

Когда подобное соседский парень попробовал провернуть с ней, Катерина отбивалась и кричала на весь подъезд. Она расцарапала ему грудь, лицо и порвала дефицитную рубашку. А он назвал ее психичкой и искренне недоумевал, за что, собственно, она так на него набросилась.

Катино личное отношение к мужскому полу можно назвать негативным. Ее выводы подкреплялись сведениями о проблемных взаимоотношениях в семьях одноклассников. Подобные перспективы в браке не внушали Катерине оптимизма и резко диссонировали с книжным миром.

В Катиных мечтах ее парень – сразу же кандидат в мужья, и никак не меньше. По примеру книжных героев ему следовало смиренно и безропотно добиваться благосклонности дамы сердца, возможно, годами, вздыхая и читая стихи под балконом.

Золотой середины Катерины не имела, она строго делила мужчин на козлов в жизни и принцев-рыцарей в мечтах. Для себя Катерина выбирала «принца на белом коне» и верила, что за кем за кем, а за ней-то он непременно приедет. В семье у Кати были одни женщины, ни отца, ни брата.

Плюс к школе, она каждый будний день и по субботам занималась на фортепиано, а по воскресеньям в первой половине дня ездила на занятия в вокально-инструментальный

ансамбль в молодежный центр, где играла на клавишных и пела. По дороге на занятия она постоянно читала. Так что свободного времени у нее практически не было. И по всем показателям ее ждало неплохое будущее.

Катерина из той редкой категории детей, кто с самого раннего детства сам делает домашние задания, без напоминаний и тычков от взрослых, правда, если ей нравится предмет изучения. Она одна из немногих, поступила в известную музыкальную школу по конкурсу и училась там почти бесплатно, не считая подарков преподавательнице на праздничные даты. Этот факт выяснился случайно. Отзанимавшись около года, в процессе болтовни одноклассников о том, чьи родители кем работают, и тому подобных тем, оказалось, что она одна среди всех из простой семьи. И на прямой вопрос сокурсников, а как же с такими простыми родителями она попала *сюда*, Катя дала очевидный, как ей казалось, ответ: «По конкурсу». Но по удивленным лицам собеседников Катерина поняла, что о конкурсе никто из них и не слышал. Кроме нее, происходившей из обычной рядовой, к тому же неполной семьи, все остальные дети, были детьми обеспеченных родителей при должностях и званиях и из партийной номенклатуры. Поэтому друзей среди них Катерина не обрела.

Катерина стала часто задумываться, что с ней не так? Временами честно пыталась через себя переступить и влиться в дворовую компанию, и ей это неплохо удавалось, но и быстро наскучивало.

Студент

Впечатлительная Катерина весь следующий день после разговора с Владимиром то и дело его вспоминала. Сестра вносила свою посильную лепту в этот процесс, подначивая Катю вопросами:

– Ну что, будешь звонить дяденьке? – ехидничала она. – Тебе ведь нравятся старички. А Царь даже помоложе других твоих ухажеров будет.

И действительно, у Катерины на тот момент только-только появились сразу два достойных кавалера. На днях она, по секрету, поделилась сногсшибательной новостью с сестрой под честное слово, что та никому не скажет. Появились они почти одновременно.

Первый был студентом, страшно сказать, двадцати шести лет. Учился он на последнем курсе музыкального института, с которого студентов направляли для прохождения педагогической практики заниматься с детьми.

Катерина как раз посещала такую музыкальную школу, она обучалась игре на фортепиано. Так одному из практикантов досталось два месяца индивидуальных фортепианных занятий именно с ней.

Катерина сразу почувствовала к себе интерес с его стороны, и не только как педагога. На совместных занятиях она стала ощущать, что он нервничает и его руки будто бы слегка подрагивают всякий раз, когда он случайно ее касается, показывая, как нужно исполнять тот или иной отрывок разучиваемого произведения, и видела, как краска заливает его лицо.

Эти наблюдения вызвали в ней противоречивые чувства: радовали и смущали одновременно. Ей, безусловно, льстило его внимание. Она гордилась, что нравится не каким-то дворовым мальчишкам, а взрослому, образованному, высокому и привлекательному блондину с голубыми глазами. Наконец-то ею увлекся молодой человек, которого она считала равным книжным героям. Но, как оказалось, ухаживания принимать не так-то просто. Тем более от кавалера в статусе учителя и настолько лет ее старше, что сильно ее смущало. Кокетничать она не умела, вести себя как ни в чем не бывало ей тоже не удавалось. А посоветоваться ей было не с кем.

Они занимались два раза в неделю. Уже на втором занятии преподаватель-студент угостил Катю шоколадом и стал задавать не относящиеся к уроку вопросы о ее взглядах и планах на жизнь, параллельно рассказывая о себе. На третьем занятии, он отметил, что она очень красивая и талантливая девушка и что он с удовольствием поддерживал бы с ней общение и дальше, после практики. Он предложил ей дружеские, здесь он сделал акцент, именно дружеские отношения. Катерина аж рассмеялась от удовольствия.

Конечно же, студент уверял ее, что не нужно обо всех плохо думать, дружба между мужчиной и женщиной это нормально, и когда она подрастет, то непременно поймет все сама. Он же ни на что такое не претендует, а предлагает иногда вместе сходить в кино или на концерт... В результате пол-урока они потратили на разговоры.

– Ну что, дружба? – спросил он Катю в конце занятия.

Катерине хотелось согласиться, но все-таки ему двадцать шесть лет, и она ответила уклончиво:

– Ну да, наверное, – и окрыленная отправилась домой.

Принц из метро

Она спустилась в метро с ощущением победы и со сверкающими глазами. Торопливо побежала по переходу. Ей навстречу шел эффектный молодой человек. Он остановился прямо перед ней так, что она чуть на него не налетела, и пока Катя замешкалась, соображая, что происходит, поинтересовался:

– Сударыня, разрешите с вами познакомиться?

– Я в метро не знакомлюсь, – выпалила Катя на автомате давно заученную фразу. И сделала движение в сторону, чтобы обойти препятствие. Но он двинулся вместе с ней, и путь остался закрытым.

– Да, я понимаю, – вежливо настаивал он. – Но для меня сделайте исключение, – на последнем слове он пристально заглянул растерявшейся Кате в глаза и улыбнулся белозубой, как в заграничных фильмах, улыбкой. – Меня зовут Константин, – не давал он ей опомниться. – Я ни в коем случае не хочу нарушать принципы такой милой девушки и прошу лишь, разрешения, чтобы я оставил свой телефон, – он достал блокнот из внутреннего кармана пиджака и продолжил атаку: – Звоните мне безо всякого стеснения, в любое время, когда будет удобно, а если меня не будет дома, пожалуйста, наговорите мне сообщение на автоответчик, – он дописал телефон, вырвал листок и уверенно протянул его Катерине.

Она уже пришла в себя и теперь смотрела на него с любопытством. Атакующий был в костюме. Костюм – редкость для ее обычного окружения, его надевали только по великим праздникам. От молодого человека приятно пахло одеколоном и весь его облик говорил о надежности и благополучии.

Проходящие мимо девушки, не стесняясь, заглядывались на него. Народу в метро в час пик всегда много, а они стояли как раз посередине перехода, и толпа вынуждена была как бы обтекать их. Катерине казалось, что все, ну все идущие мимо люди на них смотрят, и она постепенно заливалась краской. Ей очень хотелось принять предложение, но и этот парень явно не на один год ее старше. Она не решалась, так запросто оставить номер телефона незнакомцу посреди метро.

Константин продолжал протягивать бумажку с телефоном. Вдруг Катю словно разморозили, она улыбнулась и, не говоря ни слова, взяла записку и торопливо запихав ее в карман брюк, рванула на платформу.

– Только не потеряйте, – прокричал молодой человек, – а иначе мне придется вас ждать здесь каждый день в это же время. Катя остановилась. Константин нагнал ее:

– Могу я все-таки узнать, как вас зовут?

– Катерина, – ответила девушка.

– Прекрасное имя, – патетично произнес Константин и продолжил: – Одна маленькая просьба, – Катерина кивнула в знак одобрения, – прочитайте мой номер, чтобы я был уверен, что все цифры понятны, а то у меня ужасно кривой почерк.

Катя пропускала уже второй поезд. Она нащупала в кармане бумажку, вынула и развернула. Цифры на ней написаны одна к одной, ровные и красивые. Но несмотря на это, она как загипнотизированная, выполнила просьбу. Константин благодарно улыбнулся.

– Как-то все сложно получается: позвони, наговори, не потеряй, – подумала она и сказала: – Давайте, лучше я свой номер оставлю, и вы сами мне позвоните?

Константин с готовностью согласился.

Он достал блокнот, и Катерина продиктовала номер. – В какое время удобнее звонить? – вежливо поинтересовался он.

Катерина назвала вечер воскресенья и вскочила в подошедший вагон.

У Кати в бурном графике оставался единственный свободный вечер на неделе.

Воскресенья она еле дождалась и, вернувшись с занятий, крутилась около телефона, боясь даже за хлебом выйти. Он позвонил в четыре часа дня, к этому времени Катя уже несколько раз успела отчаяться. Услышав вежливое «Здравствуйте, могу я поговорить с Катериной?», она аж подпрыгнула с трубкой в руках, но ответила максимально сухо, как только могла, нельзя же сразу показать, что парень тебе понравился:

– Я вас слушаю.

Первое свидание

Константин пригласил Катю в центр города прогуляться по Арбату, пообщаться и посидеть в кафе. В кафе! Кроме как в детском «Кафе мороженое», Катерина в кафе еще не была ни разу. Во-первых, в то время в Москве их были единицы, а во-вторых, в ее семье на подобные развлечения не хватало денег. Волновалась Катерина безумно. Она надела индийские джинсы-бананы, светлую мужского покроя рубашку с коротким рукавом и подчеркнула талию серебряного цвета тоненьким пояском, завila щипцами длинные пшеничные локоны и даже немного подкрасила маминой тушью ресницы. На ноги ничего достойного у нее не нашлось, только детского вида босоножки на плоской подошве, и то сильно заношенные. Катя попробовала без спроса взять мамины туфли на каблучках, но, пройдя пару раз туда-сюда по квартире, поняла, что это не вариант. Конечно, такие приготовления не могла не заметить младшая сестра, и Катерина, распираемая от чувств и ожиданий, все ей разболтала: и про студента-музыканта, и про Константина. В конце концов, сколько можно держать такие экстраординарные события в себе. Маша заверила сестру, что будет молчать, и принесла невесть откуда взявшуюся у нее модную ярко-розовую с перламутром помаду.

– На, накрась губы, – сказала она. Счастливая Катерина ее расцеловала.

Константин ждал Катерину посреди станции метро с красивым букетом свежих роз в руках – первый Катин букет.

– Здравствуй, Катюша, спасибо, что пришла! – он сразу заговорил без лишнего пафоса. – Это тебе. На «ты»? – мягким, слегка покровительственным голосом обратился он к ней и протянул букет. Катя, сияя, взяла цветы.

– Спасибо, очень красивые. Константин улыбался:

– Ну что, идем гулять?

– Конечно, – радовалась Катя. Константин галантно предложил взять его под руку, и они направились к выходу из метро.

Всю дорогу Константин расспрашивал Катерину о семье, о планах на будущее, о предпочтениях в литературе, музыке. Он оказался начитанным, образованным двадцатипятилетним, недавно «испеченным» офицером. Константин был эффектный брюнет, высокого, наверное, за метр девяносто, роста, ухоженный и внимательный. Катерина бесхитростно отвечала на все вопросы кавалера, гордясь своим спутником, а внутри ужасно переживала. В выходной день в центре Москвы гуляло много молодых женщин и девушек. Катерина считала, что многие из них выглядят существенно привлекательнее, чем она. Катя тушевалась под их откровенными взглядами, когда они без стеснения заглядывались на ее взрослого, элегантно одетого кавалера и с недоумением оглядывали ее, еще полу ребёнка в довольно скромном одеянии. Но Константин оставался галантным, он ни на кого, кроме Кати, не обращал внимания, придерживал и открывал ей двери, подавал руку, в кафе подставлял стул, в общем, вел себя как настоящий рыцарь. Никаких крамольных вещей он себе не позволил. Проведя вместе около трех с половиной часов, они расстались. Константин проводил Катерину до поезда в метро и пообещал, что позвонит в следующее воскресенье и они обязательно снова куда-нибудь сходят.

Катерина чувствовала себя так, словно попала в один из любимых романов или, лучше сказать, в сказку. По дороге домой она видела, что все окружающие ее люди, особенно женского пола, с интересом разглядывают шикарный букет у нее в руках. Ах, как это приятно. Только что она скажет маме? Откуда у нее цветы?

– А, – решила она наконец, – скажу, Таньке подарили, а ей отец не разрешает ничего брать от поклонников, ну не выбрасывать же теперь такую красоту?! Она мне и отдала.

Дома она взхлеб делилась впечатлениями с сестренкой, уже грезя о следующем свидании и не зная, как дотерпеть до воскресенья.

– Слушай, букет конечно крутой, видать, денег у него немало, – скептически отреагировала младшая сестра, – но не староваты они для тебя?

– Ну, не знаю, есть немного, зато умные и адекватные, – ответила Катя.

– А кто тебе больше нравится?

– Да честно говоря, я не знаю, серьезно пока не думала, но со студентом мы друзья, – пожала она плечами. – Так что настоящий кавалер только один – Костя.

– Ну все равно, – повторила младшая, – с ума можно сойти, двадцать шесть лет! Это меня насколько старше? – она задумалась, считая в уме.

– Да ладно тебе, я ничего такого, всего лишь погулять сходил, – оправдывалась Катя.

– А что в кафе ели? Я тоже хочу в кафе, – затянула сестренка. И вопросы посыпались один за другим:

– А что он сказал? А как посмотрел? А как стоял? А ты что? А он что?

В итоге сестренка сделала вывод, что Кате крупно повезло с ухажером. Катя полностью согласилась.

В понедельник Катерина пришла в школу с видом победительницы и, переполняемая гордостью, поглядывала на одноклассниц свысока. Как обычно, девчонки делились друг с другом новостями. И Катя не выдержала и намекнула, что у нее тоже появился парень, и сразу завоевала к себе всеобщее внимание. Сколько Константину лет, Катя говорить не стала, поделившись только сведениями о походе в кафе и рассказом о букете цветов. Большинство девчонок сразу рассмеялось, слушая Катин рассказ.

– Ну ты и загнула – кафе, букет! Кино, что ль, насмотрелась? Конечно, откуда у парня могут быть такие деньги?!

Ну скажи Катерина хотя бы, что ей подарили розочку, ей бы, наверное, и поверили, но вот так, чтобы без повода и целый букет! Не может этого быть. И Катерина, видя одновременный скепсис и зависть подруг, прочувствовала еще сильнее, насколько ей повезло! Чувство счастья не покидало ее весь день. На самом деле у нее теперь два кавалера, есть еще и студент! Но о нем Катерина промолчала, она чувствовала, что тогда был бы совсем перебор, ей точно никто бы не поверил. Славы и от одного рассказа ей достаточно.

Да ладно, не психуй

Неделя после первого свидания с Константином прошла ровно. Катерина, как положено, дважды на занятиях музыкой виделась со студентом. Они чудесно общались, шутили, делали перерыв на чай. Договорились, что раз Катерина так сильно все дни занята, отложить совместные походы по мероприятиям на летние каникулы. В общем, все шло как надо, и Катя радовалась, что ей не нужно ничего выдумывать и никого обманывать.

Наступило воскресенье. Вернувшись с занятий в ансамбле, Катерина не пошла гулять и не села читать или смотреть телевизор, а ходила с места на место по квартире в радостном ожидании звонка Константина. Позвонить, как они договорились, он должен ей с двух дня до пяти вечера. С таким расчетом, чтобы они успели погулять: час ей добираться до центра и потом обратно, и не позже десяти она должна быть дома. Голова Катерины была забита вариантами предполагаемого разговора. Она пыталась представить, а что она сделает, если... а что она ответит, если... как будто бы она готовилась к сдаче экзамена. Она переживала, что он в ней разочаруется. Младшая сестра находилась дома и с интересом наблюдала за метаниями такой обычно уверенной в себе старшей. И прекрасно видя, что Катерина и так нервничает, не нашла ничего лучшего, чем спровоцировать ее, заявив, что сестра могла бы и ее взять с собой в кафе, ну не целуются же они там в самом деле или все-таки целуются?

– Ну съязвила, – огрызнулась Катя.

– Так что, тебе жалко, что ли? Возьми!

– Жалко, – отрезала Катя. – Ты же видишь, что я сама еще никуда не иду.

– Да ладно, не психуй, позвонит твой Костя, наверное, если не передумает, – подтрунивала сестренка.

Вообще-то, сестры часто гуляли вместе, за что Катины приятельницы прозвали младшую сестренку «Хвостик». Но не брать же ее с собой на свидание! Катерина злилась и отвечала с резкостью на назойливые приставания сестры. Но сестренка не унималась и, чем сильнее заводилась Катерина, тем сильнее продолжала подначивать ее она, говоря, что так старшей и надо, за ее жадность он ей не позвонит, что, зря Катя расфуфырилась, да еще мамиными французскими духами надушилась так, что воняет за километр...

Без десяти пять Катерина уже угрюмо и открыто сидела перед телефоном. А сестренка требовала, чтобы ей дали сделать срочный звонок, вызывая в Катерине шквал раздражения.

Если сестренку спросить, для чего она изводила Катерину, то Маша и сама вряд ли бы ответила. Просто ей тоже хотелось побыстрее стать взрослой, она завидовала свободе старшей сестры. И, несмотря на всю к ней сестринскую любовь, не могла удержаться от колких двусмысленных намеков и высказываний.

Константин не позвонил ни в пять, ни в шесть. Сначала Катя испугалась, что с ним что-то случилось, и ей очень хотелось позвонить самой. И она уже было собралась позвонить, чтобы исключить эту версию и послушать каким голосом он ответит. (Входящие телефонные номера, в то время, не определялись автоматически – прим. Автора)

Но проверив карманы и сумку, нашла лишь скатавшиеся комочки, потому что постирала бумажку вместе с джинсами. В итоге она решила, что чем-то не понравилась ему. Катина самооценка упала так же стремительно, как взлетела после их прошлой встречи.

Катерину словно бы искупали в грязи, она чувствовала себя обманутой и униженной, и еще сильнее срывалась на младшей сестре.

Колкостям Маши не виделось предела. Они чуть не подрались и сидели по разным комнатам, дуясь друг на друга как мышь на крупу.

Тебе есть что возразить?

В десять пришла мама, и сестренка, обиженная до глубины души, прям с порога кинулась рассказывать маме о Катькиных ухажах.

– Да подожди ты, дай раздеться, – смеялась мама. Но сестренка не унималась.

– Ох смотри, доносчику первый кнут, – беззлобно продолжила мама. Но когда Маша дошла до возраста Катиных кавалеров, лицо мамы стало предельно серьезным. И холодным жестким взглядом она внимательно посмотрела на подпирающую косяк двери в конце коридора старшую дочь.

– Тебе есть что возразить? – спросила мама у Кати сухо. Катерина обреченно покачала головой.

– И молчала, а я, как дура, считаю ее взрослой, разумной девушкой, которой можно доверить младшую сестру, а ты так значит поступаешь с моим доверием?

Катерина молчала.

– Иди на кухню, – сказала она ей. Катерина пошла как на голгофу. Там мама, вытянула из дочери максимально возможное количество информации. А затем в доверительно-назидательной форме выговорила ей за недостойное поведение и в очередной раз призвала поверить ее жизненному опыту, а не пробивать стены лбом. Мама уверенно сказала, что никто не будет ходить с Катериной три года за ручку до ее восемнадцати лет и, что всем этим козлам нужно только одно. Это «одно» в их доме звучало как страшное преступление. Мама требовала, чтобы Катерина выкинула из головы всю муть, а думала бы лучше об учебе да как помочь ей – матери... Результатом беседы стало заявление мамы о том, что она страшно обижена на дочь. То есть на Катю обиделась вся ее немногочисленная семья. Ну никак мама не ожидала от Катерины проявления такой скрытности, потому что кто же, как не мама, должен знать все подробности жизни дочери, а иначе как она ей поможет в нужную минуту. И апогеем стало пристальное вглядывание Катерине в глаза с задаванием унижительных вопросов:

– Надеюсь, тебя не нужно вести к гинекологу, между вами ничего не было? И я надеюсь, что слово «ничего» мы понимаем одинаково?

Заплаканная и пристыженная Катерина чувствовала себя готовой провалиться сквозь землю. Теперь у нее появилось ощущение, что ее не только унизили, облили грязью, но и хорошенько выпороли. Чувство вины перед матерью и брезгливости к себе не оставляли Катю несколько дней.

Закончив беседу, мама решила, что без десяти одиннадцать вечера – не поздно для столь важного звонка, и набрала номер основной преподавательницы по фортепиано. Задыхаясь от ужаса Катя слышала, как в разговоре с ней мама сыпет такими словами, как «педофилия», «тюрьма» и тому подобными. Итогом ее гневной тирады стала настоятельная просьба убрать от ее дочери этого «козла-педофила». Катя про себя подумала, что на музыку, она, наверное, никогда больше не пойдет. Но следующее занятие приходилось на мамин выходной день, и мама поехала на занятия с Катериной, чего она не делала уже больше четырех лет, посещая только экзамены и отчетные концерты, да и то не всегда. Перед занятием она один на один снова побеседовала с преподавательницей и уехала, не став дожидаться их окончания.

Катерина входила в учебный класс трепеща всей душой. Преподавательница была чернее тучи.

– Садись, – резко сказала она Кате. – Да, надо сказать мама у тебя... – она запнулась и, несколько секунд поискав замену не произнесенному слову, закончила фразу: – Боевая. И что, – продолжала она, неприязненно глядя на девушку, – он и вправду к тебе приставал?

– Нет, – тихо ответила Катерина, – я такого никогда не говорила.

– Так чего она скандал устраивает?! – почти взвизгнула преподавательница.

– Переживает за меня, – только и смогла ответить Катерина.

– Ну знаешь! – возмутилась учительница. – Ладно, давай начинать, – и поставила раскрытые на нужной странице ноты на пюпитр рояля. Катерина послушно заиграла.

Студента Катерина больше не видела. Спрашивать, куда он делся, боялась.

Мир

В следующее воскресенье она невольно еще ждала звонка Константина, но он так и не позвонил. Прошла неделя. Наступило новое воскресенье. Катерина вернулась с занятий. Она находилась дома одна, и сама подошла к зазвонившему телефону. Неожиданно для нее в трубке раздался его голос:

– Здравствуйте, могу я поговорить с Катериной?

Катя холодно спросила:

– А что, нам есть о чем разговаривать?

Константин мгновенно среагировал на ситуацию и рассыпался в извинениях. Он просил дать ему возможность все объяснить, говорил, что она уйдет в любой момент и ничего не теряет, если выслушает невинного человека, и прочее, и прочее... Как хороший психолог, он умело давил на Катины слабые места. И как бы Катерина не обижалась, она была рада дать ему шанс.

На встречу Константин снова пришел с цветами. И картинно встав на одно колено, при всем честном народе стал просить прекрасную даму о снисхождении. Катерина не смогла не улыбнуться, лед если не растаял, то точно дал глубокую трещину.

– Не буду оригинальным, – улыбался Константин широкой открытой улыбкой, – и предлагаю посидеть в кафе, как ты на это смотришь?

Ну как можно отказать такому галантному и обаятельному кавалеру, а главное зачем? И Катерина согласилась.

Подходя к кафе, они увидели очередь из людей, ожидающих, когда там появятся свободные места. Она замедлила шаг, но Константин ее подбодрил, произнеся уверенным тоном:

– Идем, идем, нас это не касается.

Катерина держала его под руку, и они уверенно проследовали внутрь. Привставший им навстречу портье одним движением руки оказался усаженным на место.

Они огляделись, народу в кафе битком, практически все столики заняты.

Надменный официант бросил в их сторону:

– Мест нет, – и понесся с подносом по залу.

– Подожди меня здесь, – обратился к спутнице Константин и шагнул наперерез официанту.

Тот недовольно остановился и уже начал возмущаться, когда Константин показал ему что-то, поднеся руку чуть ли не вплотную к глазам. Официант мгновенно расплылся в самой доброжелательной улыбке. Они оба вернулись к стоящей у входа Катерине. Официант, блаженно улыбаясь, поздоровался с ней персонально и предложил проводить их до свободного столика, с которого стремительно убрали табличку «зарезервировано». Катерине стала неприятна эта скользкая подобострастность в движениях и взгляде официанта. Константин же лишь пренебрежительно отмахнулся от него рукой, как от человека второго сорта, сказав, что как они будут готовы сделать заказ, то его позовут, а вертеться перед ними не надо. Официант в полупоклоне отошел. Катерина почувствовала какое-то неприятное жжение под ложечкой. А Константин, видя ее недоуменный взгляд, довольно грубо и громко, что для Катерины стало полной неожиданностью, произнес:

– Пусть знает свое место, холуй! А то все, видите ли, занято у них.

Катерину словно полоснуло слово «холуй»: унижения и оскорбления других людей не доставляли ей удовольствия. Но серьезно задуматься она не успела. Мило улыбаясь, Константин положил перед ней на столе свою красную корочку.

– Мое удостоверение, – показывая на корочку, сказал он, – я офицер, и у меня бывают непредвиденные командировки, о которых я не могу и не имею права кому-либо сообщать.

Поэтому я и не смог позвонить тебе. Я вернулся еще во вторник, но поскольку ты давала разрешение звонить только по воскресеньям, я терпеливо дождался воскресенья, двух часов и сразу же тебе позвонил.

«Да, действительно, – подумала Катерина, – звонок сегодня раздался ровно в два». Катя смущенно улыбалась.

– Ну что, мир? – спросил Костя.

– Мир, – подтвердила она. И они непринужденно проболтали два часа. После свидания, провожая ее домой, Константин сказал, что хочет серьезно поговорить. Катерине ничего не оставалось, как согласиться.

За красивые глаза

Константин заговорил самым обыденным тоном, как будто они обсуждали погоду. Сначала он заключил, что они современные и свободные люди, Катя согласно кивнула. Ну а раз так, то он будет говорить с ней откровенно. Он сказал, что видит, какая она чистая и неиспорченная девушка, отметил, что такие в наше время редкость, да еще и красавица, но она уже не ребенок и сама, наверное, все понимает – ему двадцать пять и ему, конечно, необходима женщина.

– Ну ты понимаешь, о чем я? – уточнил он у Кати.

Катя вздрогнула всем телом, сердце упало куда-то в желудок, мамины слова из последнего внушения всплыли в ее голове. «Какой ужас!» – только и подумала Катерина, не веря, что это происходит с ней.

Она промычала что-то нечленораздельное и сделала попытку убрать руку с его предплечья. Константин ее удержал, немного придавив Катину ладонь своей свободной рукой, как бы демонстрируя, что он сильнее. И спокойно продолжил. Константин сказал, что сейчас он от нее ничего не требует и готов ждать ее совершеннолетия, а как только оно наступит, сразу же на ней женится. Но, конечно, Катерина, в свою очередь, должна пообещать хранить себя для него. Но она должна понимать, что время от времени у него кто-то будет, но для нее подобные случаи не должны иметь никакого значения, так как это всего лишь физиология. Второй важный момент – его профессия. Катерина не должна его ни о чем спрашивать, а верить ему на слово. Он гарантирует, что обеспечит ей безбедную жизнь, так как его ждет блестящее будущее. Уже совсем скоро, до конца этого года, ему должны дать квартиру, а там будет и машина, и все остальное. И все это будет и ее, ей не нужно будет работать. Все, что требуется от нее, согласиться стать мужниной женой. Он познакомит ее со своими родителями и представится ее матери. И в довершение, конечно он дает ей время подумать, понимая не совсем обычность его слов, но недолго. И просит не морочить ему голову, так как он занятой, серьезный человек и у него нет времени, чтобы тратить его впустую. Тем более что такие предложения делают не каждой. Не все такие порядочные, как он. Другой на его месте воспользовался бы ее наивностью, а он хочет все по-честному и открыто решить между ними.

Катерина оторопела, нет, умом она понимала, что он поступил с ней честно. Ничего особо крамольного для «современных и свободных» людей он не сказал. Все логично объяснено, ему двадцать пять, ей пятнадцать. У него все есть или будет, о таком достатке действительно мечтала бы любая девушка, тем более во время тотального дефицита. Она же фактически бесприданница, которую готовы взять замуж, что называется, «за красивые глаза». Все эти доводы Константина она поняла, но образ принца резко померк в ее глазах. Внешне Катерина оставалась спокойной и даже пообещала подумать. Внутри же у нее все дрожало. Она шла домой, разрываемая противоречивыми чувствами. Если бы Константин предложил ей все тоже самое, не упоминая про физиологию, то, возможно, она бы задумалась серьезно и к ее мыслям не пришивалось липкое ощущение брезгливости.

Цветы Катерина выбросила в урну на остановке у выхода из метро. И их сразу же подобрал какой-то парень, посмотрев на Катю как на ненормальную. Букет стоил огромных денег, и парень уже представлял прекрасный вечер со своей девушкой, неожиданно осчастливленной этим букетом.

Ну козел!

Катерина вошла в квартиру.

– Доча, привет, как прошел день? – спросила мама, выйдя в коридор.

Катерина не смогла скрыть своего состояния.

– Ногу подвернула, – попыталась соврать Катя, пряча глаза.

– Да, а врать ты давно научилась, что-то ты зачастила? – произнесла мама, сверля дочь глазами.

Катя так была подавлена, что не нашлась, что соврать во второй раз, и со словами «Мамочка, прости» пошла, захлопав носом на кухню.

Мама налила стакан воды и поставила его перед дочерью.

– Ну, что ты рыдаешь, словно похоронила кого? Что случилось-то? – снова спросила она. – Или ты мне не доверяешь? – последний вопрос числился в списках тяжелой артиллерии. Ну как хорошая дочь может не доверять маме?

– Ну что ты, мам, начинаешь сразу, не доверяешь... – возражала Катя.

– Я не сразу, но я вижу, что ты упираешься, молчишь, что прикажешь мне думать-то? Молчишь – значит не доверяешь родной матери! – резко констатировала мама.

– Мам, да перестань ты, – огрызнулась Катерина.

– Что значит перестань? Кто здесь мама? Ты почему со мной так разговариваешь? – мама начинала заводиться.

Катя прекрасно знала, что ей эта ситуация будет теперь припоминаться при каждой более или менее серьезной ссоре. Но мама есть мама. И она покалась, что ходила на свидание и рассказала, какое предложение ей сделали. Мама сидела мрачнее тучи и слушала не перебивая. Но как только Катя закончила, ее словно бы взорвало.

– Как он мог тебя так унижить, ты это понимаешь, что он тебя как вещь в магазине выбирает? Где твоя гордость, зачем ты пошла с ним в кафе? Конечно, дала мужику слабинку, а потом удивляется! – кричала мама.

– Мам, ну зачем ты так? – тихо проговорила Катя.

– Как так?! Как? Я же тебе говорила, он будет шляться с кем захочет два с лишним года, а ты после его девиц грязь собирать? – вопрошала она негодуя. – Ты этого хочешь? Я для этого тебя растила!?

Катерину как будто обдали ледяной водой. Она уже не плакала, а испуганно наблюдала за разъяренной мамой. Мама металась по кухне.

– Ну козел, яйца б ему оторвать, – ругалась она. – Это надо, удумал такое предложить! Совсем мужики распоясались. Видит – девочка приличная, с хорошим будущим, и как корову на базаре выбирает! Нет, ты подумай, условия он будет ставить! Да кому он нужен. У нас еще этих Костей вагон и маленькая тележка будет, да, Катюнь? – неожиданно смягчилась мама и приобняла дочку за плечи. – И радуйся, что сейчас все узнала! Я ж тебе говорила, что об учебе думать надо, – на этих словах Катя снова захлопала. – Ну перестань, Кать, ты у меня умница, красавица, это пусть он сопلي на кулак мотает. Ну?! – и мама снова потрепала дочку за плечи. Катя поняла, что на нее сегодня гроза больше не распространится, и действительно стала успокаиваться.

– Ну, вот дуреха, – сказала мама совсем ласково, – давай чайку и спать. А этого козла выкинь из головы. – Телефон у тебя его есть? – неожиданно для Кати задала она последний вопрос.

– Нет, – ответила Катерина и, повернувшись боком от стола к входной двери, увидела, что из коридора за ними наблюдает младшая сестренка. Младшая встряла в разговор:

– Как же нет, Катя, он вроде давал тебе на бумажке свой номер, ты же рассказывала? Но Катя не растерялась:

– Ты что думаешь, я все бумажки храню? А потом, ты же знаешь, я ему сказала, чтобы он сам звонил. Младшая промолчала.

– Ну ладно, жалко конечно, – сказала мама, – а то я бы ему объяснила, как молоденьким девочкам мозги пудрить.

Семья уселась пить чай с вареньем.

Улегшись в кровать, Катерина вновь стала перебирать в голове все обстоятельства, приведшие ее к такому плачевному результату. Мама не внесла в ее мысли ясности. Катя, как в кино, прокручивала в голове сначала их знакомство – нет, здесь ей придаться не к чему. Потом первый поход в кафе. Вдруг, все от того, что я не предложила за себя заплатить? Мало ли, вдруг, он больше бахвалился, что у него есть деньги, а это была какая-нибудь проверка? И вдруг ее осенило, что, не исключено, проверка сделанное им предложение? И она по многу раз то отвергала эту версию, то принимала, каждый раз находя для себя что-то новое в произошедшем.

За короткое время проведенное с Константином, Катерина нафантазировала себе и белое платье, и уютный дом на берегу моря... Конечно, она не собиралась замуж за первого встречного, она понимала, что человека нужно сначала узнать, подготовить какую-то материальную базу. Например, жить в коммуналке с родителями мужа или с собственной мамой она не хотела. В планах девушки замужество стояло в районе двадцати пяти лет, когда будет закончен музыкальный институт, и она выйдет на работу.

Наконец Катерина себя убедила, проверял он ее или не проверял, ей все равно. Зависеть от мужа она никогда не планировала. Мама научила ее, что всегда нужно иметь тыл или запасной аэродром, чтобы в случае предательства козла, за которого Катя выйдет замуж, было на что и куда с достоинством ретироваться. Итак, раз она замуж не собирается, то зачем ей Константин с его дурацкими условиями?! Ей казалось, что с Константином покончено.

Может, он не хуже?

В следующее воскресенье Катерина, вернувшись с занятий, одновременно и ждала, и боялась Костиного звонка. А вдруг у нее не получится достойно ему ответить? В его умении внушать и объяснять она не сомневалась. Она решила не надеяться на заученную речь и попросила снимать трубку сестренку. В случае Костиного звонка отвечать надлежало, что она на занятиях. Константин позвонил, и сестренка ответила, как ее просили. Через час он позвонил снова, тогда сестренка прямо сказала, чтобы он сюда больше не набирал.

Младшая сестра видела состояние Катерины и жалела ее. Она всячески пыталась ее ободрить, и в числе прочих ей в голову пришла мысль, показавшаяся интересной. Не зря же мама столько раз говорила, что клин клином вышибают. И она искренне предложила, чем сидеть и вздрагивать в ожидании «чуда», лучше взять и самим набрать их общему телефонному знакомому.

– А чего? Вдруг, он не хуже? И ездить никуда не надо? Ну посмотреть-то на него интересно? – тархтела сестренка. – И ты этих Костей-Шмостей выкинешь из головы. – Давай, – веселилась она, – не бойсь, он нас не съест!

Пока Катерина отнекивалась, что неудобно да некрасиво, чтобы девушки сами звонили парням, младшая, назвав, ее отсталой занудой, уже набирала номер. В трубке прозвучало бархатное:

– Алло? Говорите? Я слушаю, алло?

– Ну? – вскричала сестренка, тыкая трубкой в Катину ухо. – Давай говори что-нибудь!

Катерина вся красная, с вытаращенными от растерянности глазами шикала на сестру:

– Ты что, спурела! Кто тебя просил?! – и пыталась вырвать трубку, чтобы положить ее на место и прервать связь. – Ну ты совсем больная на голову!

– Кать, а там все слышно, и как ты меня обзываешь, – улыбнувшись, сказала сестра.

Катерина замерла, борьба между девчонками прекратилась и, посмотрев друг на друга, они рассмеялись. Из трубки послышался смешливый вопрос:

– Ну что, девчонки, разговаривать-то будем? Или так разбежимся?

Было понятно, что их узнали, и Катерина решила:

– Привет, – смеясь произнесла она.

– Привет, – весело произнес Владимир, – а я уж подумал, милицию вызывать, пока вы друг дружку не покалечили. – И сам предложил: – Девчонки, а чего мы все по телефону да по телефону? Сегодня воскресенье, давайте встретимся где-то недалеко и посмотрим друг на друга?

Катерине импонировало, что он не стал сразу звать ее на свидание, а приглашал их обеих всего лишь познакомиться. Она согласилась.

История Владимира

Владимиру шел двадцать четвертый год. Он вырос без матери, она умерла от рака, когда ему должно было исполниться двенадцать. И отец, и мать Владимира приехали, как и у подавляющего большинства его приятелей, из деревни и, попав в Москву по лимиту, всю жизнь добросовестно проработали на заводе. Отец был человеком замкнутым, уважаемым коллегами, пил по меркам того времени умеренно: по пятницам, в дни выдачи заработной платы и праздничным дням. У него имелась близкая женщина, но в квартиру отец приводил ее только иногда и обычно только на выходные. В жизнь Владимира ни он, ни она не лезли и никак в ней не участвовали, кроме тех случаев, когда отец вплоть до наступления шестнадцатилетия лупил сына ремнем. Но всегда за дело: либо за вызов отца к директору школы, либо за вызов в милицию. Все его воспитание ограничивалось этими внушениями и параллельным проживанием с сыном в одной квартире. Отец резонно считал, что для воспитания есть учителя и школа, а для чего другого сын туда ходит? Владимир еле-еле закончил восьмилетку, пошел в профтехучилище и, не успев закончить его, на два года ушел служить в армию. А когда вернулся, то около года, что называется, приходил в себя, ничего не делая, привыкая к гражданской жизни. В конце концов отец взбунтовался и сказал, что больше не даст ему ни копейки, пусть идет работать. На работу без диплома и специальности устроиться почти не реально. Пришлось Владимиру восстановиться в ПТУ, закончить его, и наконец он пошел работать на пару с другом в государственный троллейбусный парк.

К этому времени страну уже сильно лихорадило. С полок магазинов начали пропадать самые обычные продукты, по телевидению заговорили о каком-то «диком рынке», заработную плату повсеместно начали задерживать. Что предпринимать и предпринимать ли что-то в данной ситуации, Владимир не знал. Кто-то из его друзей кинулся продавать из-под полы товары с охраняемого им же склада. Кто-то начал фарцевать, стоял на рынке и перепродавал в три цены одежду сомнительного качества, которую зачастую шили в подвалах этого же самого рынка. Были и такие, из физически развитых парней, в основном бывшие спортсмены или отслужившие в горячих точках, кто пошел в расплывшиеся бандитские группировки. Эти богатели стремительно и считались чуть ли не самыми желанными женихами в среде Катиных сверстниц. Но многие из мужчин, не вписавшись в новые реалии жизни, ушли в запой.

Владимир предпочитал не делать резких движений и продолжал работать в государственном троллейбусном парке на минимальной зарплате. Ему ее тоже задерживали на месяц-другой, но все же в итоге покамест выплачивали в полном объеме. Его все вполне устраивало. Он непритязателен и неприхотлив в своих желаниях, легко довольствовался малым и крайне тяжело воспринимал все новое. Ему нечего терять и неоткуда падать, и поэтому он практически не ощутил всеобщего кризиса. Он так же, как это делал его отец, собирался с друзьями каждую пятницу попить пива. И пока были друзья и пиво, его сложно было чем-то расстроить.

Обычно друзья брали три ящика пива на троих, включали телевизор и под телевизор и сигаретный дым обсуждали недельные новости или шли в «колхоз» расписать партеечку. На то время главное развлечение в жизни Владимира. Он мог курить, а мог и не курить. Мог пить, а мог не пить. Он, в отличие от своих, друзей по общагам не лазил, услугами Подстилки не пользовался: не на помойке он себя нашел – так Владимир объяснял свое решение. В его представлениях его девушка должна потерять невинность именно с ним. Но среди знакомых ему сверстниц таковых давно не было. А с новыми девушками он знакомился с трудом, так как обделенный материнской любовью не умел проявлять свои чувства. Конечно, он не был закомплексованным девственником, но на двадцать четвертом году его жизни девчонки-подруги в их компании имелись, а постоянной девушки именно у него так ни разу и не было. На районе Владимир слыл добряком, таким деревенским увальнем, который, если его не злить, и мухи

не обидит. Но если кто-то намеренно задевал его или его друзей, тогда Владимир становился непримирим. За что его уважали.

Хулиганский звонок двух маленьких девочек странным образом задел его чувства. Катерина не такая, как все его знакомые, он это почувствовал. Если бы его попросили точно определить, что значит «не такая», то он вряд ли бы смог внятно сформулировать свою мысль. Его привлекло то, что все получилось, как бы само собой и не требовало от него дополнительных усилий. Пятнадцатилетняя девушка по-взрослому, серьезно с ним разговаривала, не хихикала, не заигрывала и обращалась на «вы». Он вообще-то за все свои двадцать три года не мог вспомнить, чтобы с ним хоть кто-то говорил на «вы». В тот момент он не задумывался глубоко, зачем ему это общение. Владимир в принципе никогда глубоко не задумывался. Ему стало любопытно, и достаточно. Странная девушка телефона не оставила. Но у нее есть его телефон. И Владимир надеялся, что она позвонит, но, если и не позвонит, значит не позвонит, особо сильно он не расстроится.

А вдруг!

В пять часов вечера они вчетвером – Катерина, ее младшая сестра и подруга сестры, та с которой они нашли телефонный номер, а также приятельница Катерины, жившая в соседнем подъезде девушка по имени Татьяна, – стояли на улице в оговоренном месте и ждали, когда к ним подойдет со своим другом Владимир. Татьяна была почти на два года старше Кати, ей шел восемнадцатый год. На встречу она пришла при полном параде, накрашенная, завитая и на каблуках. Катерина позвала ее на знакомство, как говорится, для «поддержки штанов». Ну и, чтобы уравновесить присутствие младшей сестры. И вообще, ты выглядишь более представительно, когда с тобой рядом более взрослая, а значит, умудренная опытом подруга. Во-первых, Владимиру было, как Катерина уже знала, двадцать три года в противовес ее пятнадцати, а во-вторых, он из местных, и пойдя что-то не так, история могла молниеносно распространиться по району. Все-таки это свидание вслепую казалось авантюрным, одно дело телефон, а другое – лицом к лицу, а вдруг он какой-нибудь маньяк? А Татьяна – девушка видная и на районе уважаемая – всегда сможет подтвердить Катерины слова, что дело происходило так-то и так-то. Да и Владимир придет не один, а с другом.

Девчонки стояли, нервно похихикивая, и выдумывали всякие «а вдруг» о будущем знакомом.

– А вдруг у него такие уши, – показывала сестренка, описывая руками полуметровые круги, и все дружно смеялись. – А вдруг у него такой нос, – и Маша оттягивала свой нос, показывая, каким длинным он может оказаться.

Неожиданно, несмотря на всю подготовку к встрече, позади девчонок неожиданно раздалось тем самым приятным баритоном:

– Добрый день, вы не нас ждете?

Девчонки дружно повернулись. И лица их слегка вытянулись. Передними стояли два самых обыкновенных дворовых парня. Как тогда было принято, оба стояли в тренировочных (спортивных) штанах с отвисшими коленками, непонятной марки, заправленных у одного в кроссовки, а у второго в зимние сапоги. Но самым писклом в их гардеробах был искусственный полушубок грязно-коричневого цвета с засаленными клочками меха. В принципе, в другой ситуации такие наряды никого бы не удивили. В те годы самым модным аксессуаром вообще считалась телогрейка. Так что для прогулки по району ребята оделись вполне нормально, но для встречи с девушками? Повисла неловкая пауза. Первой нашлась Катерина, она решила, что их внешний вид только доказывает искренность новых знакомых. Что они не шли закарать девчонок, а только познакомиться. Для чего и оделись соответствующе, как в магазин за хлебом, сумку с которым один из них и держал в левой руке.

– Если среди вас Владимир, то да, мы ждем именно вас, – стараясь улыбаться произнесла она.

– Владимир, – назвал себя парень в полушубке и протянул руку.

– Катерина, – ответила она на рукопожатие.

Владимир с другом действительно ходили за хлебом и по дороге собирались всего пару минут уделить девчонкам. Так, удовлетворить любопытство. Друг, с которым он пришел на встречу, раньше жил на «той стороне» и вполне мог или знать девчонок, или иметь с ними общих знакомых, а может, и еще что-то, что точно он не знал. Все это делалось так, от скуки, ради интереса.

Разношерстная компания

Катерина Владимира поразила сразу. Блондинка с огромными, распахнутыми не то зелеными, не то серыми глазами. Все в ней казалось, как нужно: и тонкие пальцы рук, и длинные от ушей ноги, и красивая улыбка. Одета она просто, в полупальто и прорезиненные облегающие джинсы, обувь – непривычные тогда для женщин ботинки по типу мужских. Лицо почти без косметики, только ресницы накрашены и губы блестят модным голубоватым перламутром. В это время друг, не теряясь, всю выплясывал перед Татьяной.

Татьяна, будучи из довольно обеспеченной, по понятиям того времени, семьи, папа которой ездил в командировки в Китай и в семье у которой имелась и небольшая дачка в ближнем Подмосковье, и собственная машина – «жигули» четвертой модели, не слишком лояльно отнеслась к черт знает во что одетым молодым людям. Тем более и внешность у них самая заурядная, если не сказать деревенская. Роста среднего, телосложения среднего, вида среднего. У Владимира так вообще лицо круглое и посередине нос картошкой. Если бы не его большие карие глаза с ресницами, которым позавидовала бы любая девчонка, смотреть вообще было бы не на что. Все в них оказалось средним, кроме хорошо подвешенных языков.

Младшая сестренка не оценила кавалеров и не стесняясь начала тянуть Катерину домой.

– Кать, пойдем, я замерзла, – упорно повторяла она, наверное, в пятый раз, оттягивая Кате рукав полупальто.

Владимир с другом уговаривали девушек остаться и пройтись немного по краю лесопарка. Он начинался сразу же за домом, у которого они встретились. Там есть и облюбованные детворой овраги-горки, и лавочки со столами, и детские площадки. Катерина не знала, как ей поступить. Ей стало неловко перед самой собой, что она судит о людях по одежде, когда сама же у других подобное поведение яростно осуждала. И в глаза развернуться и уйти, заранее зная, что обижаешь человека, ей было совсем нелегко. Хорошо, если бы кто-то принял желанное решение за нее. Вот сестренка молодец, тащит ее, но тащить нужно посильней, поактивней. Чтобы она сдалась на уговоры. А Таня что? Она посмотрела на подругу. Та разговаривала с другом Владимира в паре метров от нее, и потихоньку обмениваться ни взглядами, ни словечками не представлялось возможным. Нужно решать самой. Ничего оправдывающего уход она не нащупала. Ну да, не красавец, и видно, что небогат, а если, он человек хороший? Катерина – идеалистка, она отвергала дружбу за выгоду. Но уж очень диссонировала одежда и внешность дворового хулигана с приятным голосом по телефону. И если бы сейчас ее музыкальный слух не говорил ей, что она слышит тот самый голос, она бы никогда не поверила своим глазам. Пока она так сомневалась, не говоря ни да, ни нет, друг за пару минут, показавшихся Катерине вечностью, почти уболтал Татьяну познакомиться поближе.

– Ну что, Катюнь, пойдем пройдемся? – спросила Татьяна, явно ожидая поддержки с Катиной стороны.

Все взгляды были обращены в ее сторону. И Катя кивнула, тем более что подругу сюда притащила она, и раз той хочется пойти, то нужно пойти, оправдывала она свою трусость. Василий, так звали друга Владимира, изыщно протянул Татьяне руку со словами:

– Облокачивайтесь на мою руку, мадмуазель, а то сегодня невероятно скользко.

Этот жест окончательно подкупил не привыкшую к галантности девушку. Она взяла Васю под руку, и их пара первой шагнула в сторону местного лесопарка. Остальным ничего не оставалось, как последовать за ними. «Хвостик» упорно ныла, что ей холодно и голодно, но на все предложения пойти вместе с подружкой домой упорно оставалась на своем посту и вертелась между идущих. Владимир и Катерина пошли рядом, но на расстоянии. Вася и Таня во всю над чем-то смеялись.

– Поделитесь юмором, – обратился к ним Владимир.

Василий рассказал остроумный, непошлый анекдот. Смешно показалось всем, обстановка разрядилась, и беседа потекла как по маслу. Они обсуждали фильмы, их героев, ситуации. Все чувствовали себя раскованно и комфортно.

Прохожие оглядывались на их весьма странную, разношерстную компанию, состоящую из двух девочек-подростков, двух юных девушек, одна из которых еле шла на каблуках по скользкой дороге и расфуфырена и накрашена так, словно бы собралась «на выход», и двух совсем взрослых молодых мужчин, дворовой наружности и в такой же одежде. Все шестеро шли и, как дети, толкались, смеялись, кидались друг в друга снежками абсолютно на равных.

В лесу снега лежало много. Компания поиграла в догонялки снежками, все, кроме Татьяны, покатались кубарем со снежной горки, поиграли в «съедобное – несъедобное». Разницу в возрасте девочки с ребятами не почувствовали. «Здоровые лбы» так искренне играли и веселились вместе с ними, как будто сами были двенадцатилетними подростками.

Катерина чувствовала себя в их обществе легко, не нужно из себя что-то «выделывать», думать, как сказать, что сказать, чтобы соответствовать их уровню, переживать, что как-то не так одета. И пусть их новые знакомые и «не хватали звезд с небес», но они не ругались матом, не рассказывали скабрёзных анекдотов, в общем, не делали всего того, что ей так не нравилось в сверстниках, желающих такими способами казаться старше. Их открытое и доброжелательное поведение очень приятно поразило. Набесившись, компания собралась по домам. Вечерело, но на улице находилось довольно много людей, и дорога хорошо освещалась фонарями. Владимир произнес:

– Ну все, светло, дойдете. Пока, тогда на созвоне.

– Конечно, – одновременно подтвердили девушки.

Они договорились, что будут время от времени созваниваться по-дружески. Девчонки пошли в свою сторону, а пацаны в свою, не предлагая проводить их до дома. Такой подход задел Катерину. Как так-то? Ее и не проводили до дома? Татьяна, как более старшая подруга, прокомментировала Катериныны сомнения так:

– А чего ты хотела? Мы для них малолетки, так побесились и ладно. Но если позовут еще, ты мне свистни, я пойду, – добавила она, – с ними весело.

Следующие полтора-два месяца они продолжали встречаться на пару часов такой же компанией, раз в неделю по воскресеньям. По району поползли слухи. Катерина решила быть выше этих разговоров.

Семечки будешь?

В один из дней Катерина вышла из школы и услышала, как ее окликает знакомый голос. Владимир стоял около школьного забора и вальяжно щелкал семечки, сплевывая шелуху на землю. Буквально все – и ученики, и родители, и учителя – обернулись в его сторону. Катерина чувствовала, как неотвратимо заливается краской ее лицо. Под любопытными взглядами окружающих она пошла в его сторону.

«Что он здесь делает с этими дурацкими семечками? – все более смущаясь, думала она. – Что теперь обо мне подумают? И так сплетни пошли, что он мой парень». Но внутренний голос начал ее стыдить, ведь она дружит с ним не за что-то, а за качества его личности. Она не слишком уверенно подошла к нему, а Владимир по-простецки, хлопнув ее по плечу, как старинного приятеля, первым делом спросил:

– Привет, семечки будешь? – Катерина кивнула.

Он отсыпал ей семечек и, развернувшись к группке так застывших с открытыми ртами одноклассников Катерины, дернулся в их сторону и громко сказал:

– Бу!

Ребята отпрянули, и в их рядах пошли смешки и шепот. Кате сразу полегчало.

– Ты чего пришел, случилось что? – заинтересованно спросила она.

– Да так, у меня отгул, скучаю один, все ж друзья на работе, вот и подумал, дай, что ли, пройдуся, тебя встречу.

– А-а-а, – понимающе протянула Катерина, – только я спешу, мне на музыку ехать.

– А ты что, никогда не прогуливаешь? – поинтересовался Владимир.

– Нет конечно, а зачем? Мне нравится заниматься.

– И школу? – удивлялся он.

– Нет, ты что... школу запросто. Мы с подружками то в кино, то на рынок едем и там все перепробуем, то пельменей нажарим, да куча всего, – гордо отвечала Катерина.

– Ну будешь прогуливать – звони, я посменно работаю, буду дома – пересечемся. Так, болтая и уже на пару грызя семечки, они дошли до Катинного подъезда.

– Тут значит обитаешь? – полувопросительно заключил Владимир.

– Угу, – подтвердила Катерина и открыла дверь подъезда.

– Ну пока, – попрощалась она.

– Пока, – ответил Владимир, развернулся и пошел прочь.

«Зачем приходил? – раздумывала Катерина. – А если бы они разминулись? И что теперь о ней подумают одноклассницы, да и вообще все?»

Катерина не хотела, чтобы окружающие уверовали в ее встречи с Владимиром, одно дело предполагать, а другое – не сомневаться, что так и есть. Как кандидат в ухаеры он ее не устраивал, уж очень заурядная у него внешность, да и манеры не самые интеллигентные. За время общения с ним она поняла, что парень он добрый, хороший, но уровень притязаний на эту жизнь у них разный, как и уровень интересов и образования. «Так встретиться в свободное время как с приятелем – это одно, а встречаться как с парнем... это совсем другое», – рассуждала она.

На следующий день вся школа бурлила свежей новостью. Катерина устала отвечать на вопросы:

– Что за мужик к тебе приходил?

– А ты не мала для такого хахаля?

– А мама знает?

И так далее, и тому подобное. Ее ответ, что они друзья, вызывал у всех дикий хохот. Но она видела так же, с какой завистью на нее смотрят девчонки, а это не могло не греть ей

душу. А вскоре на место подколкам пришли заинтересованные вопросы с доверительными придыханиями:

- А как ты с ним познакомилась?
- А давно вы встречаетесь?
- А о чем вы разговариваете?
- А вы целовались?
- Ну как?
- С языком?
- Он же взрослый, что вы вместе делаете?

И про другие пикантные подробности, которые дико интересовали приятельниц. Катерина снисходительно улыбалась и таинственно отговаривалась общими фразами, чем нагоняла еще больший ажиотаж. Сестренка оказалась права, что Владимир поможет ей забыть Костей-Шмостей.

Испугалась, дурочка?

После просьбы Катиной сестренки не звонить, Константин пропустил одно воскресенье и неожиданно позвонил Кате в пятницу. Катерина не ожидала звонка во внеурочное время, да и вообще уже не ждала, и спокойно сняла трубку.

– Але, – только успела произнести она, как посыпались настоятельные уговоры Константина о встрече.

Хорошо, что дома никого не было. Катерина не положила трубку сразу, так как Костины уговоры утешали ее задетое самолюбие и давали ей возможность думать, что все-таки не она виновата в таком исходе дела. К тому же она считала, что человеку всегда нужно дать шанс исправить ситуацию. Но сегодня она занята, у нее занятия музыкой.

– Я подумаю, – ответила она на предложение о немедленной встрече, – но точно, что не сегодня. В воскресенье, может быть. Позвони, тогда и решим, – внутренне воспрянув, сказала Катя.

До воскресенья Константин ждать отказался категорически. Он куда-то уезжает и хочет иметь ясное представление о ситуации. Катя упиралась, у нее сегодня занятия, а потом нужно сразу домой. Тогда Константин перешел к угрозам, что, если она не придет, он будет дозваниваться к ней до тех пор, пока трубку не снимет ее мама, и тогда он лично принесет ей извинения. А еще лучше – лично подъедет с извинениями, и он назвал Катин домашний адрес. Чего-чего, а вовлекать в выяснение отношений маму Катерине совсем не хотелось – звонок, а тем более приезд нежеланного кавалера, мог грозить ей полным запретом на прогулки, карманные деньги и прочие радости жизни.

– Хорошо, пять минут, говори где, только не раньше девяти, у меня занятия, и к десяти я должна быть дома.

Константин назвал их обычное место в метро, недалеко от музыкалки.

– Договорились, – сказала Катя и повесила трубку.

Сердце радостно прыгало в груди. Он позвонил, он извиняется! Значит, она нормальная! Чего точно она ожидала от встречи с Константином, Катя не знала, но очень хотела, чтобы он извинился, а возможно, и снова начал за ней ухаживать, но безо всяких условий, а там видно будет.

Катерина отпросилась у учительницы музыки, приврав, что ей нужно к врачу. И в двадцать один ноль пять приехала в условленное место.

Константин – красавец, одетый, как всегда, с иголочки, – встретил ее очередным роскошным букетом и извинениями. Они отошли немного в сторону от основного потока людей. Константин предложил выйти на улицу, но Катя отказалась, ей нужно спешить домой. Константин с воодушевлением заговорил.

На станцию периодически прибывали и убывали поезда, в эти моменты становилось очень шумно. Катя морщилась, пытаясь расслышать слова. Константин говорил все громче, окружающие начали на них поглядывать. Катя занервничала. Постепенно Константин все ниже и ниже наклонялся над ней, и наконец он говорил ей прямо в ухо.

Он называл свое предложение досадным недоразумением, нелепицей, не стоящей внимания. Конечно, он поступил глупо, и ему следовало подумать, что она, юная девушка, не поймет его эгоистичных требований, но он не хотел ее обидеть, все, что он ей предлагал, – это сама жизнь, и со временем она это поймет, и прочее, и прочее, и прочее... Катерина слушала не без удовольствия. Они стояли вполоборота к друг другу, облокотившись на колонну, Константин приобнял ее за плечо. И вдруг развернул Катю лицом к себе. Катерина растерялась. Сердце подпрыгнуло. Константин очень ей нравился. Но он обещал, что пальцем ее не тронет, а сейчас, на глазах у стольких людей, лихорадочно прижимал ее к себе, разве это нормально? Раздался

сигнал приближающегося к станции поезда, громкий звук вывел ее из ступора. Резко подняв букет к лицу, Катя помешала поцелую, одновременно вывернувшись из-под руки Константина.

Потом она не раз сомневалась в правильности своего поступка и долго не могла однозначно решить, верно ли себя повела, но в тот момент юная максималистка была уверена, что верно. Катерина еще немного отстранилась.

Константин имел вид голодного и злого кота. Образ принца, который только-только стал к ней возвращаться, снова разрушился. Она встала напротив него, выставив руку ладонью вперед, показывая, что не нужно к ней приближаться. Было видно, как Константин досадует на свои промах.

– Ты чего, Кать, испугалась? Дурочка... – продолжение потонуло в шуме приближающегося поезда.

Фраза «испугалась дурочка» крайне неприятно резанула Катин слух. Стоящие рядом подростки смотрели на них с интересом и о чем-то переговаривались и пересмеивались. Впечатлительной Катерине показалось, что смеются непременно над ней. Сработал ее защитный механизм, и глядя на Константина, она подчеркнуто вежливо произнесла:

– Я благодарю вас за потраченное на меня время и деньги, но прошу вас больше себя так не утруждать.

Он собрался сделать шаг в ее сторону, но Катерина со словами: «Подарок», – уже совала букет в руки какой-то проходящей мимо девчонке. Та на секунду остановилась, но Катя вновь повторила:

– Подарок.

Девчонка взяла букет и, улыбнувшись, побежала дальше по своим делам. Катя взглянула на Константина. Он смотрел на нее тяжелым помрачневшим взглядом. Катерина развернулась и пошла быстрым шагом к переходу. В спину она слышала громкое «Дура!»

– Сам дебил! – сказала она себе под нос.

В крови у нее кипел адреналин, она шла стремительно, не глядя по сторонам. Правда всего через пятнадцать минут воинственный подъем сменила апатия. Катерина села в конце вагона, отвернулась к стене и по щекам у нее потекли слезы. В ушах стояли мамины слова, что всем козлам нужно только одно. Мысли носились в ее голове с огромной скоростью.

Вся в расстроенных чувствах она сначала вспомнила студента, потом снова Константина, а потом и Владимира.

«Нет, нужно прекращать совместные прогулки, – решила Катерина. Ничего хорошего из подобной дружбы не выйдет». Она прикрыла глаза и успокоилась. Ехала она в этот раз как-то на удивление долго.

Наконец-то Катя поднялась из метро, села в автобус – и через десять минут выходила на своей остановке.

На подходе к дому ее ждал сюрприз. Она издалека увидела Владимира и его друга Василия, ребята курили, сидя на лавочке под фонарем, стоящей на обочине дорожки, ведущей прямо к ее подъезду. Сомневаться не приходилось, что ждут они ее. Пройти незамеченной ей не удастся.

Куда только мать смотрит!

«Только вас сейчас мне и не хватало», – подумала девушка.

Владимир заметил ее, встал и пошел навстречу, широко улыбаясь, Василий последовал его примеру.

– Привет. Откуда дровишки? – с улыбкой выходя наперерез, спросил Владимир, что означало «откуда идешь?».

– Да так, с занятий, – расстроено отвечала Катерина, не умея толком скрывать свои чувства.

– Что расстроенная такая? – уточнил Владимир, глядя в заплаканные глаза.

Василий стоял рядом и не менее заботливо смотрел на нее, явно готовый помочь.

– Ничего, – почему-то огрызнулась Катя на вполне участливо заданный вопрос и рванулась идти дальше, но Владимир поймал ее за руку и развернул к себе.

За сегодня ее второй раз разворачивали, и Катерина аж вскипела вся изнутри.

– Что случилось? – жестко произнес Владимир. – Я им ноги из жопы вырву! – свирепо добавил он.

Катерина скривилась в ехидной ухмылке, которая должна была бы сказать Владимиру что-то похожее на: «И ты туда же!» – и резко дернулась из его рук.

Свою злость на Константина и вообще на козлов она невольно вымещала на ни в чем не повинном Владимире. Всем своим видом она пыталась сказать ему, что, мол, все вы одинаковые. Но Владимир столь тонких намеков не понимал.

И он еще более жестко повторил:

– Что случилось? Ты можешь объяснить, а не дергаться? Давай рассказывай! Что за уроды тебя обидели?!

– Да какие уроды?! Один урод и козел! – вспылила Катерина, а Владимиру послала короткий злобный взгляд, подразумевая: «И ты не надейся, ты следующий в очереди». И с вызовом, цедя слова сквозь зубы, добавила:

– Козел, которого я только что послала куда подальше вместе с его идиотскими цветочками!

– Ам-м-м, – только и промычал Владимир и ослабил хватку. Катерина сразу же выдернула у него свою руку. Но почему-то осталась стоять на месте. Повисла секундная пауза. Первым заговорил Василий:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.